

С.В. Ефимов (Санкт-Петербург)

**АНГЛИЙСКИЙ ШПИОН
И МАЗЕПИНСКАЯ ИЗМЕНА.
ЭПИЗОД ИЗ ИСТОРИИ ВЕЛИКОЙ
СЕВЕРНОЙ ВОЙНЫ (1700–1721)**

В О ВРЕМЯ РАБОТЫ с архивом генерал-фельдцейхмейстера Я.В. Брюса, среди документов военно-походной канцелярии начальника русской артиллерии за 1708 год был обнаружен необычный документ. Он резко контрастировал с многочисленной корреспонденцией, связанной, прежде всего с повседневной, подчас весьма рутинной, деятельностью артиллерийского ведомства в сложных условиях Северной войны.

Это черновик перевода на русский язык письма некоего англичанина, находившегося в составе шведской армии на Украине¹. Документ озаглавлен «Из аглинского языка переводное письмо, писаное от аглинского посланника обретающегося при войске шведцком к аглинскому секретарию господину Бойлу».

В письме содержатся интереснейшие подробности, характеризующие военную и политическую обстановку на Украине после вторжения туда армии шведского короля Карла XII.

Каким образом этот документ оказался среди бумаг артиллерийской канцелярии, кто его автор, кому и зачем он адресован? Кто мог быть автором перевода? Достоверная ли информация содержится в этом письме? Попробуем ответить на эти вопросы, но первоначально приведем текст перевода целиком (сохраняя орфографию начала XVIII в.):

«Прямопочтеннейший господине. В последнем своем [письме] я объявлял милости вашей о бое, случившемся у реки Сожи между генералом Левенгауптом² и москвичами, а после того времени не слышал я, чтобы когда почта отпущена была из шведской армии,

~~в д. Глинного языки~~ ~~Здесь~~ ~~двое~~ ~~иные~~ ~~имя~~ ~~б. б.~~
 помянутое о д. Глинного. По сему опыту
 паки бо в сего дой (иде шведов) ~~кв. 1. 1712~~
 помянутое Суворову в ~~том~~ ~~доме~~. 780
313

прямо Потоцкийский Вис

Вполненько я вами впереди Мот бур
 не обид (логичности урби) ~~в~~ ~~М. 1712~~
 Генерал Левковичи и молчаливыми за полт
 того времени Невелюш я. ~~Пот~~ ~~Дж~~
 Пота отсюда Вла. Ливония ~~Антон~~
 под все проходы, заставлены. Дороги учин
 ны опасны. Кирашини благодаритесь. ~~В~~
 ид. Пятаво числа сего Мяс. Его
 в: Перешел реку Десну. В начале из ~~А. 1712~~
 зд. ~~Многие~~ ~~Великие~~ ~~Противности~~ ~~к~~ ~~по~~
 дали. ~~Амурс~~ ~~Москва~~ ~~Побли~~ ~~там~~
 дажди ~~или~~ ~~Сторону~~ ~~Кривой~~ ~~б. 1~~ ~~и~~ ~~Мог~~

Первая страница перевода письма Джеймса Джеффриса (Архив ВИМАИВиВС. Ф. 2. Оп. 1. Д. 38. Л. 313)

понеже все проходы заставлены и дороги учинены опасны и страшны от неприятельских казаков. Пятого числа сего месяца Его Величество³ перешел реку Десну⁴. И де же бы с шведом многие великие противности случились, аще бы москвичи имели тамо довольноую силу к супротивлению оным. И оная река была широка и имела береги крутые и к выходу на берег показалось бы невозможно иным,

кроме короля шведского. Токмо вящую пользу в сем переходе Его Величество получил, что москвичи под командою генерала Шереметева⁵ у дела при добывании города Батурина, иже резиденция есть генерала Мазепы⁶, к которому делу так устремилися, что растеряли другие авантажи. Однако ж они взяли тот город прежде нежели Его Величество оный мог выручить, и пререзали всех жителей мечом, и сожегши оной, отошли. Також де учинили оне нам некоторую противность у преждереченной реки с 4000 пехоты. Ныне отогнаны от 800 шведов, которых число от оных токмо сперва перешло, а армия после перешла без сопротивления, отколе мы маршировали к Коровову и Новому Млыну, иде же мы перешли Сейм реку и вступили в такую землю, которой лучше я не видывал, идучи чрез разные городки. Напоследки пришли к тому месту, идее же Его Величество назначил армии зимнии квартиры, которые я по лутчему моему известно, иже мог получить, расположены сим обычаем: кавалерия – в Вороне, в Серебряном, в Прилуках, в Ёсне, в Лохвидах, в Монастыре и в Конатопе, инфантерия – в местечках ближайших к неприятелю, а королевская гаупт-квартира в Ромне. Тако ж, что шведская армия ныне покрывает большую часть Украины, тою часть земли, по которой генерал Мазепа титулуется князем. Москвичи, за небольшой частью, расположили себя на другой стороне реки Десны и Сейма в наследных московских городках, а именно: в Чернигове, в Путивле, в Крупицах, в Рьльске, в Городище, в Нежине, в Киеве, и около тех мест, а сам царь – в Глухове. От ближнего соседства с москвичами чинятся нам некоторые безупокойства и частые реконтры между их и нашими партиями, в которых наш генерал Мейерфелт⁷ и полковники Дюкер⁸ и Тауб⁹ в недавних числах означили себя.

Не могу видеть, чтоб с нашей алияциею с генералом Мазепою по нашему чаянию что делалось. Також не обретаю я, чтоб сии люди так в готовности были с нами соединиться, како мы преж сего верили, но противно оному многие, которые в начале наши партии были, ныне перешли к неприятелю. Простой народ начинает ворчать против своего генерала, понеже привел иностранныя войска в их землю. И сказывают, искать интерес панов хочет, токмо все бремя будет лежать на нас, и что нам промышлять тот провиант на армию самим надобно к разорению нашему и фамилии нашей, когда другие в такой печали. Вкратце сказать, я обретаюсь в обществе людей больше склонных к москвичам, нежели к шведам. И так то велико, что может часто збираться купами и вред нам чинить. Какое щастие,

недавно посланный от генерала Мазепы в Царьград, чтоб наговорить оному двору, дабы крымские татары к нам в помощь прислали, получил еще не явлено ведомость, только опасаемся, чтоб уже москвичи не помешали, и оный великим числом денег мир купили. Прошлые ночи поехал сквозь сие место от короля шведского нарочной куриер, и я не мог подлинной никакой ведомости получить зачем оной послан, токмо мнят, что к королю Станиславу¹⁰ призывать оного с своею армиюю к служению с королем шведским всей земле.

С две недели взят в полон партиєю генерал-адъютант московский, которой послан был к королю Августу¹¹ с грамотками, в которых объявляет о нападении в Польшу. И сие письма для того писаны, чтоб нас поудержать, или для того, ежели правда в том есть, что, сказывают, что вышеписанный король уже в Польшу вошел с несколькими тысячами человек. И том подлинно никто рассудить не может, понеже с два месяца почты в армии [нет]».

Начнем с адресата, тем более, что его имя указано в заглавии перевода. Генрих Бойль (Henry Boyle), 1-й барон Карлетон (Carleton) (1669–1725) был известным политическим и государственным деятелем в Англии и Ирландии. Его отец Чарльз Бойль был 3-м виконтом Дунгарваном. Генрих Бойль получил образование в Вестминстерской школе и Колледже Святой Троицы в Кембридже, по окончании которого поступил в армию по рекомендации своего дяди, сторонника партии тори, лорда Рочестера. Однако сам Бойль был приверженцем партии вигов. В 1688 г. он оставил военную службу у короля Якова II Стюарта, переметнувшись на сторону Вильгельма III Оранского, вступившего на английский престол после «Славной революции».

В 1689 г. Бойль был избран членом парламента от Тамворта, но на следующий год проиграл выборы и уехал в Ирландию заниматься делами семейных владений.

В 1692 г. он представлял графство Корк в ирландской палате общин. В том же году Бойль вернулся в английский парламент в качестве депутата от Кембриджа. Он стал известным политиком от так называемой «деревенской» оппозиции. Однако для того, чтобы сделать карьеру, молодой политик в 1697 г. перешел на сторону «придворной» партии, благодаря чему быстро пошел вверх, став лордом Сокровищницы (с 1699 г.) и канцлером Казначейства (с 1701 г.)

Он исполнял и другие обязанности: лорда-лейтенанта графства Ист-Райдинг-оф-Йоркшир, лорда-казначея Ирландии (1704 г.), был избран членом парламента от Вестминстера (1705 г.). После ухода

в отставку правительства во главе с лордом Робертом Харлеем стал государственным секретарем Северного департамента и лордом-казначеем. На этом поприще он курировал внешнюю политику Англии, преимущественно в Германии, Скандинавии и Восточной Европе. В 1710 г. он оставил свой пост и политику в связи с приходом к власти нового кабинета министров от партии тори.

С воцарением Ганноверской династии в 1714 г. Бойль вновь оказался у дел. Он получил титул барона Карлетона и благодаря этому стал пэром Англии, затем занял пост лорда-президента (с 1721 г.) и оставался на этом посту до своей смерти в 1725 г.¹²

Письмо отправлено, как явствует из заголовка, английским посланником, который «обретается» при войске шведского короля Карла XII. Удалось установить имя этого человека. Им является английский офицер Джеймс Джеффрис (James Jefferyes), о личности которого известно благодаря обстоятельному исследованию историка Р. Хаттона, опубликовавшего и прокомментировавшего в 1953 г. его письма¹³.

Он родился в Швеции в 1679 или 1680 г. и был сыном ирландского офицера Джеймса Джеффриса (в честь которого и был назван), который состоял на службе шведского короля Карла XI (1660–1697). Отец Джеффриса был дворянином и владельцем замка Бларни (Blarney) в графстве Корк (Cork), в Ирландии. Точных сведений о матери Джеффриса не сохранилось, однако существует предположение, что она была родом из Швеции. Благодаря тому, что юный Джеймс родился и провел детство в Швеции, он в совершенстве овладел шведским языком. От родителей ему достались хорошие физические данные и крепкое здоровье. В 1690 г. его отец оставил службу у шведского короля Карла XI и перешел на службу к английскому королю Вильгельму III Оранскому (1689–1702). В английской армии он довольно быстро сделал карьеру и в 1709 г. стал генерал-бригадиром. При этом связи семьи со Швецией не оборвались, вероятно, благодаря дружеским и деловым связям отца и родственным – матери. Старший сын – Густав (отметим нетипичное для англичанина имя), принял участие в военной компании Швеции против Дании летом 1700 г. в качестве добровольца. Во время похода в Россию он погиб в сражении под Нарвой осенью того же года.

Джеймс Джеффрис (старший) вел постоянную переписку с Джоном Робинсоном (John Robinson), английским дипломатом, находившимся в Швеции, и неоднократно бывал в Стокгольме. Осенью 1701 г. он

попытался устроить своего сына Джеймса, который к тому времени окончил обучение в Дублинском университете и получил степень бакалавра, на службу к Робинсону в качестве секретаря. Это ему удалось не сразу, но все же Робинсон пригласил 21-летнего Джеймса Джеффриса в Стокгольм, чтобы определить его дальнейшую карьеру. Молодой англичанин состоял на службе у Робинсона с 1702 по 1707 г. За эти годы Джеффрис получил огромный опыт работы с корреспонденцией, которая велась между английскими дипломатами во всех уголках Европы, познакомился с тонкостями британской внешней политики. Поскольку любой дипломат того времени «по совместительству» являлся еще и шпионом, следует полагать, что Джеймс Джеффрис получил возможность попрактиковаться и на разведывательном поприще.

С началом Северной войны английское правительство было заинтересовано в получении информации о кампании шведского короля Карла XII против «московитского» царя Петра I и событиях на востоке Европы. Необходимо было подобрать кандидата на роль добровольца, который сопровождал бы шведскую армию во всех ее передвижениях. Во время визита герцога Мальборо¹⁴ к Карлу XII весной 1706 г. вопрос о направлении английского представителя в шведскую армию был решен положительно. Оставалось только найти подходящую кандидатуру. В качестве варианта рассматривался Джон Робинсон. Однако он был слишком известен в европейских дипломатических кругах. Возникла опасность, что другие станы тоже попытаются направить своих представителей в шведскую армию. Робинсон предложил герцогу кандидатуру своего помощника – Джеймса Джеффриса, получившего к тому времени уже звание капитана.

Тайная миссия Джеффриса в армии Карла XII продлилась два года. После разгрома шведов под Полтавой Джеффрис оказался в русском плену, но очень быстро был освобожден стараниями британского внешнеполитического ведомства.

О своем плене Джеффрис написал английскому посланнику в Москве Чарльзу Уитворту (Whitworth). Выдержка из этого письма содержалась в письме, отправленном Уитвортом государственному секретарю Г. Бойлю из Москвы 7 августа 1709 г. Уитворт, вероятно, ничего не знавший о тайной миссии Джеффриса, в частности пишет: «В числе остальных трофеев – Секретарь Ее Величества (т. е. королевы Анны. – С. Е.) мистер Джеффрис, который попал в руки царя, как он сообщил мне во вложенном письме. Там же вы найдете краткий

**Шведский король Карл XII.
Гравюра начала XVIII в.**

отчет о сражении... Я уже написал графу Головкину в его интересах, и прусский посол возьмется проследить, чтобы между ним и их резидентом все было улажено, когда он достигнет армии, куда он отправился 23-го числа»¹⁵.

Это «вложенное» письмо приводится Хаттоном в своей публикации целиком. Оно было написано в плену в русском лагере под Полтавой 9 июля 1709 г.: «С того момента, как я имел честь быть назначенным на службу к Ее Величеству в качестве секретаря при короле Швеции, у меня не было возможности услужить вам вплоть до настоящего времени. То, что я имею сообщить вам в настоящее время, будет, без сомнения, так же удивительно для вас, как знаменательно для Монарха, к которому вы посланы. Вкратце, Его Царское Величество одержал

полную победу над шведами и вся шведская армия, состоящая из 21–22 тысяч человек, либо погибла, либо взята в плен, вся походная канцелярия, генералы и другие нижестоящие офицеры, не исключая графа Пипера (Piper) и фельдмаршала Реншильда (Rhinschild) находятся в руках московитов. Я до сих пор не уверен, какая судьба меня ждет. Принц пообещал освободить меня, чтобы я мог вернуться в Англию, канцлер Шафиров (Scharfiroff) является моим покровителем, однако мистер Зильтман (Silkman), который находился у шведов в качестве посла от короля Пруссии, мой самый страшный враг, он старается убедить этих министров, что я нахожусь на службе у шведского короля.

Трагедия, о которой я говорил, началась 28-го числа прошлого месяца под Полтавой, когда шведы атаковали московитов в удобных для них позициях и окопах, а все закончилось 1-го числа сего месяца: когда шведы отступили от Полтавы с остатками своей армии к Днепру (Nіерер), дабы потом перебраться через эту реку, что в итоге оказалось для них неосуществимым, и были вынуждены сдаться в плен. Таким образом, Сэр, вы можете видеть уничтожение победоносной и многочисленной армии меньше, чем за 2 года, по причине в большей степени крайне невнимательного отношения к своему врагу; но главным образом из-за того, что король не внял никакому совету своих советников, ратовавших, как я могу уверить вас, за ведение этой войны другим путем.

Король Швеции, с 2–3 тысячами всадников перебрался через Днепр (Nіерер); думается, к этому времени он благополучно достиг Польши»¹⁶.

Вскоре этот специалист по «восточному вопросу» был назначен на пост советника посольства королевы Анны при Карле XII в Бендерах, где шведский король отсиживался после полтавского разгрома. На этом поприще Джеффрис пробыл с 1711 по 1715 гг.¹⁷

Джеффрис, находясь в ставке Карла XII, располагал большими суммами денег. Об этом свидетельствует сообщение участника Прусского похода 1711 г. француза Обри де ла Мотрэ (1674–1743). По его словам, англичанин одолжил графу Яну Сапеге в 1713 г. тысячу червонцев, которые так и не были возвращены¹⁸.

Из немногочисленных личных фактов биографии капитана известно, что в 1717 г., находясь в отпуске, он женился на Елизавете Херберт, вдове Эдуарда Херберта и старшей дочери полковника Филиппа Херберта. Однако, прожили они вместе недолго, через год с небольшим после свадьбы его жена скончалась, оставив Джеффрису на попечение дочерей-двойняшек. Елизавета умерла в ноябре 1718 г. и была похоронена в Вестминстерском аббатстве. В момент ее смерти Джеффрис находился на пути в Санкт-Петербург, куда в 1718 г. его назначили в качестве дипломатического представителя при русском дворе.

Англичанин прибыл в Россию в январе 1719 г. Его донесения из Петербурга были опубликованы Русским Императорским историческим обществом¹⁹. Отправляясь в Россию, Джеффрис не скрывал, что на него возложены функции профессионального разведчика, невзирая на невысокий дипломатический ранг²⁰. В инструкции, данной

дипломату королем Георгом I, в частности, говорилось: «Во время пребывания своего при царском дворе вы имеете осведомляться о его замыслах, о договорах, заключенных царем с другими монархами и государствами, о положении финансов и военных сил России, а равно обо всем, что в данную минуту может касаться наших интересов и как-нибудь влиять на ход наших дел или вообще имеет международное значение при настоящих обстоятельствах. Обо всем, что узнаете по этим или иным предметам – вы имеете возможно полно и точно уведомлять нас от времени до времени через одного из статс-секретарей наших»²¹.

Письма Джеффриса из Санкт-Петербурга достойны, несомненно, подробного изучения, что невозможно сделать в краткой статье. Отметим, что за время непродолжительного пребывания при русском дворе британец оставил подробнейшие донесения, полные ценной разведывательной информации.

Находясь в России, Джеффрис все еще выказывал интерес и симпатию к Швеции, в частности он был неравнодушен к судьбе шведских военнопленных в России.

После блистательных побед русского оружия в Северной войне, полного разгрома шведской армии под Полтавой и частичного завоевания Прибалтики, антирусские настроения в Англии значительно усилились. «Петр I стал нашим соперником, и для нас опасно не замечать этого»²², – писал автор памфлета «Северный кризис» в 1714 г. Британский посланник лорд Страффорд в беседе с русским послом в Гааге князем Б.И. Куракиным заявил, что Англия желала бы видеть «все державы на Севере в прежнем состоянии». Командующий английской эскадрой на Балтийском море адмирал Норрис получил приказ овладевать русскими кораблями, самим русским царем и не отпускать Петра I до тех пор, пока его армия не покинет Данию и Германию²³.

Русофобские настроения, наметившиеся в Англии в 1717–1718 гг., еще более усилились в последующие годы и были связаны с победами русского флота, который создавался во многом благодаря участию английских мастеров²⁴. В послании государственному секретарю лорду Стенхоупу от 15 мая 1719 г. Джеффрис высказывал опасения по поводу тех соотечественников, которые помогали русским строить флот. «Если мы своих мастеров отзовем домой и будем наблюдать за тем, чтобы другие не являлись им на смену, постройка кораблей будет приостановлена. Если же не принять этой или

другой соответствующей меры против развития царского флота, нам придется раскаться, хотя, быть может, уже и поздно»²⁵, – писал дипломат. В другом своем послании Джеффрис настойчиво рекомендовал английскому правительству отозвать корабельных мастеров из России, поскольку, «оставаясь здесь (в России. – С. Е.), они, указав русским основания хорошего судостроения, обучив их своему мастерству, будут ежегодно приносить Англии убыток на сумму более чем в двадцать раз превосходящую все, что царь тратит на них»²⁶.

Напряжение отношений между Петром I и Георгом I в конце концов вынудило Джеффриса покинуть в октябре 1719 г. Санкт-Петербург вместе с ганноверским резидентом Ф.Х. Вебером²⁷ и затем осесть в Данциге (современном Гданьске)²⁸.

Джеффрис поддерживал отношения с русским двором до декабря 1721 г., пока ему не сообщили о прекращении этой его миссии. С этого времени и до 1725 г. он оставался в Данциге в качестве английского представителя. После смерти отца в 1719 г. Джеффрис (все еще капитан в возрасте 40 лет) был назначен Георгом I «губернатором города Корка и прилежащих к нему крепостей вместо скончавшегося сэра Джеймса Джеффриса». От своего отца он также наследовал земельное владение замка Бларни. Умер Джеффрис своей смертью летом 1739 г., хотя много раз мог погибнуть во время военных походов²⁹.

Во время пребывания волонтером в шведской армии Джеймс Джеффрис отправил в Лондон несколько десятков писем. По мнению публикатора «Мемуаров» герцога Мальборо, «разрешение сопровождать армию в качестве добровольца позволило Джеффрису обеспечить постоянную передачу информации»³⁰. Сохранилось 30 писем за 1707–1709 гг., отправленных волонтером-шпионом государственному секретарю Северного департамента в Уайтхолл. Этот пост в годы Северной войны занимал Роберт Харли, а затем Генрих Бойль (с 1707–1708 гг.). Большая часть писем Джеффриса была утрачена. Причиной тому была плохая работа шведских почтовых служб, а также перехват корреспонденции русскими разъездами и специальными агентами³¹. В некоторые периоды Джеффрис просто-напросто не мог писать из-за болезней и истощения, вызванного трудностями «московского похода» Карла XII. «Четырехдневная малярия» или «непрекращающаяся усталость» лишали даже такого выносливого человека, которым, по-видимому, был Джеймс Джеффрис, последних сил. В одном из своих донесений агент, жалуясь

на трудности похода, писал: «Прибавьте к этому постоянную усталость ежедневного марша, бдительность наших противников, которые денно и ночью держат нас настороже, и болезни, которые за это время истощили нас, и получится, что, пожалуй, мы потеряли в этом походе более, чем если бы дали противнику бой»³². Эти донесения до последнего времени не были доступны отечественным исследователям (удивительно, но в российских библиотеках даже не было их издания!). Благодаря помощи шведских коллег несколько лет назад появилась возможность получить публикацию, сделанную Хаттоном, и сделать перевод части корреспонденции Джеффриса, относящейся к Полтавскому сражению³³. Донесения английского офицера, выполнявшего отчасти дипломатическую, отчасти шпионскую миссию, являются, несомненно, ценным историческим источником по истории Северной войны. Отдельные неточности, ошибки в деталях, а также пересказ непроверенной информации (попросту говоря слухов) в целом не умаляют достоверности содержащейся в письмах информации. По мнению современного исследователя, «дипломаты не должны были поддаваться субъективным воззрениям уже в силу поставленных перед ними задач: правительствам требовалась надежная адекватная информация»³⁴.

Вернемся к событиям, описанным в письме Джеймса Джеффриса. В первых строках упоминается о бое, «случившемся у реки Сожи между генералом Левенгауптом и москвичами».

После поражения при Лесной генерал Левенгаупт пытался спасти остатки разгромленного корпуса от полного истребления и вновь пошел на хитрость: ночью он велел жечь телеги, создавая видимость, что солдаты греются у костров, а сам под покровом темноты бежал в сторону Пропойска. Это было не отступление, а именно бегство. По свидетельству барона Г. фон Гюйсена, «остатки шведского войска под защитой темноты наскоро чрез речку, которая у них в тылу была (Сож), в совершенном смущении спастися трудились, и ни генералов, ни офицеров уже не слушались, и как кавалерия, так инфантерия, смешався, бежали». Шведский лейтенант Ф.К. Вейе тоже отмечал неорганизованность отступления: «Та ночь была настолько темной, что нельзя было разглядеть даже протянутой руки. Кроме того, никто из нас не знал местности, и мы должны были блуждать по этим страшным и непролазным лесам по грязи, при этом или вязли в болотах, или натыкались лбами на деревья и падали на землю». Левенгаупт пытался захватить с собой остатки обоза и артиллерии,

но из этого ничего не вышло. «В пути наши пушки,— свидетельствовал Вейе, — завязли в болоте, и не было сил их вытащить, так как колесами сотен телег дорогу настолько разбили, что вряд ли можно было передвигаться по ней даже верхом»³⁵. Впрочем, и то, что было довезено до Пропойска, пришлось предать огню.

Утром 29 сентября 1708 г. русские, всю ночь находившиеся в боевой готовности, не обнаружили шведов. Их взору предстало поле, усеянное трупами. Победа была полной. В течение дня царь одно за другим отправляет письма друзьям, в каждом из которых можно обнаружить любопытные детали. То он извещал корреспондента, что «сии все были природные шведы и ни одного человека не было во оном корпусе иноземца»; то несколько часов спустя уведомлял, что «сия виктория еще час от часу множится и непрестанно разбитых неприятелей наши стали в обоз приводят, между которыми есть довольное число и офицеров». Итоги битвы при Лесной царь подвел в письме своему любимцу Александру Васильевичу Кикину: «Только сие истинно, что Левенгаупт со всем корпусом пропал»³⁶.

Очевидец сражения с русской стороны писал: «Редко где упорнее и зазорнее сражение бывало. Никогда до того времени Русские так себя знать не дали, и свою храбрость лучше не оказали, как при оном случае, что и сам Левенгопт засвидетельствовал (когда Король Шведский Русских уничтоживая, а его укоряя, в робкость ему приписал, что дал себя победить таким, которых без оружия, одними плетями смирить было можно) не обинуясь сказал, что и Русские солдаты (которым, так плохо ставит) люди и скоро-де Ваше Величество с своим накладом их мужество узнает»³⁷.

По случаю победы была составлена реляция. В ней нет даже намека на роль царя в блистательном успехе русского оружия. Между тем это было первое сражение, которым руководил лично Петр и в котором он находился на поле боя. Именно у Лесной раскрылись полководческие дарования Петра и его личная отвага.

В бумагах Я.В. Брюса сохранилась копия с текста этой реляции, отправленной смоленскому губернатору. В ней в частности говорится: «Мы вчерашнего дня неприятеля дошли стоячего зело в крепких местах, числом 16 тысяч, которой тотчас нас из лесу отаковал всюю пехотою во фланк. Но мы тотчас три свои регимента против их учинили и, прямо дав залп, на оных пошли. Правда, хотя неприятель зело жестоко ис пушек и ружья стрелял, однакож оного сквозь лес прогнали к ых коннице. И потом неприятель паки в бой вступил и,

начав час после полудня даже до темноты бой сей с непрестанным zelo жестоким огнем пребывал, и неприятель не все отступал, но и наступал, и виктории нельзя было во весь день видеть куда будет. Но после ди милостию победы давшего Бога, оногo неприятеля, сломив, побили на голову. Так, что трупов с 800 на месте осталось (кроме, что по лесам от ран померло и калмыки побили). Обоз весь з две тысячи телег, шестнадцать пушек, сорок знамен и поле совсем осталось нам. А неприятели достальные по лесам разбежались, за которыми пошли сегодня вслед. А сколько с нашей стороны побито и ранено, о том выправясь, ведомость прислана будет к вам впредь. А с неприятельской стороны в полон взяты один полковник, да генерала Левенгопта, генерал отъютант и несколько офицеров, а протчим наши солдаты пардону не дали. У подлинного письма припись государевой руки “Петер”. От Леснова места в 29 дня сентября 1708 году»³⁸.

Далее англичанин сообщает о переходе шведской армии через Десну и вступлении на украинские земли.

О намерении шведского войска идти на Украину Джеймс Джеффрис сообщает и ранее, в другом письме, дошедшем до адресата в Лондон: «Теперь мы питаем себя надеждами на приход в страну, изобилующую молоком и медом и еще тем, что граф Левенгаупт скоро усилит нашу армию, добавив к ней 11 или 12 тысяч человек, а генерал Мазепа объявит о переходе на нашу сторону.

Гетман Иван Мазепа.
Гравюра И. Бернигерота. 1715 г.

Точно известно, что Его Величество послал скорых курьеров с письмами в Батурин (Battarun), в резиденцию этого генерала, с приглашением присоединиться к нам и желанием стать на зимних квартирах на Украине, но мне еще не известно, согласился ли он. Хотя, по моему скромному мнению, если бы у короля Швеции не было определенных оснований для уверенности в успехе, он бы не стал изнушать свою армию столь долгим походом в то время, когда у него была возможность повернуть к реке Двине (Duna), туда, где он смог бы найти достаточно продовольствия и рекрутов для армии, хорошую возможность присоединиться к графу Левенгаупту и гораздо более короткий путь для вторжения в Россию»³⁹.

Еще в одном письме, датированном 28 октября 1708 г. и отправленного из с. Шепетовка под Новгород-Северским, Джеффрис сообщает о том, что Мазепа приехал в ставку Карла XII: «Теперь определено известно, что генерал Мазепа заявил о присоединении к шведам. Вчера он нанес свой первый визит Его Величеству, который оказал ему великодушный прием. Некоторые здесь считают, что мы будем оставаться в этих краях до тех пор, пока несколько тысяч его казаков не присоединятся к нам, и что затем мы перейдем реку Десну»⁴⁰.

В перехваченном русскими письме Джеффрис сообщает о взятии Батурина русскими войсками и учиненной там резне.

Как отмечалось выше, Мазепа обещал Карлу зимовку в Батурине – небольшом городке, служившем резиденцией гетмана. Документальных свидетельств о деталях предварительных предложений Мазепы Карлу не сохранилось. Однако известно, что переговоры велись, и довольно долго. Как сообщает в новейшей биографии Мазепы петербургская исследовательница Т.Г. Таирова-Яковлева, он открылся своим приближенным 17 сентября 1707 г. В своей книге Таирова-Яковлева приводит высказывание Мазепы, записанное его верным последователем писарем Орликом: «Я не желал и не хотел христианского кровопролития, но намеревался, придя в Батурин с шведским королем, писать к царскому величеству благодарственное за протекцию письмо, в нем описав все наши обиды...» Тем самым, планы привести Карла в Батурин существовали. Кроме того, в подписанном позднее договоре с Карлом Мазепа обязуется отдать ему как базу на время войны, помимо прочих городов, Батурин (который уже полностью сожжен и не подходит для этих целей). По всей видимости, само соглашение готовилось до сожжения Батурина⁴¹.

В гетманской столице было в достатке припасов, артиллерии, имелся хорошо подготовленный и преданный Мазепе гарнизон, которым руководил полковник Дмитрий Чечель. Комендантом города был «арматный» есаул (командир казацкой артиллерии) Фридрих Кенигсек (типичная украинская фамилия!). Однако шведским планам обосноваться на удобных зимних квартирах помешали войска под предводительством князя А.Д. Меншикова.

Крепостной гарнизон состоял в основном из сердюков, которые не были казаками – ни запорожскими, ни реестровыми. Они вообще не были малороссиянами, или, как сказали бы сейчас, украинцами. Это были поляки, волохи, немцы-наемники, а также телохранители Мазепы, преданные лично ему. Сердюки были пешим войском. Конные сердюки назывались «компанейцами». Местных селян и казаков принимать в сердюцкие полки было запрещено. Таким образом, город обороняли наемники гетмана, а не украинское население города. Мазепа рассчитывал, что Батурин продержится до подхода шведской армии, и случившееся стало для него и для его шведских хозяев полной неожиданностью.

Примерно с неделю Меншиков вел переговоры с изменниками. Получив от Петра I известие о приближении к городу шведских войск, 2 ноября 1708 г. он решил штурмовать Батурин. Город удалось взять без большого боя, всего за два часа. В тот же день русские войска в спешном порядке ушли, взяв с собой пушки. Чтобы не досталось врагу, были подожжены деревянные стены крепости и продовольственные склады. Сердюки, защищавшие крепость, в большинстве своем были убиты или казнены. Мирное население частично погибло, частично бежало либо было уведено русскими.

Московский служилый дворянин и дипломат И.А. Желябужский в своих записках сообщает: «Ноября в 11 день черкасский гетман Иван Степанов сын Мазепа изменил государю нашему, уехал к шведу с небольшим войском из Батурина, а в городе и в замке оставил сердюков. Они по злему его умыслу заперлись и князь Александра Даниловича (Меншикова. – С. Е.) в город не пустили, и он посылал к ним многожды, чтоб город отперли, и они не послушали, и стали палить из пушек, и тот город взяли приступом, и вырубали, и выггли»⁴².

В поденной записке Петра I отмечалось: «Город Батурин (где Мазепа-изменник имел свою резиденцию) достали не многим уроном людей, и первых воров, полковника Чечеля и генерального есаула Кениксека с некоторыми их единомышленниками взяли, а протчих

всех побили. И тот город совсем сожгли и разорили до основания, где зело много изменника Мазепы богатства взяли. Тут же был заготовлен им, Мазепою, для войск шведских великий магазейн, который також созжен»⁴³.

Датский дипломат, проезжая через украинские земли уже после Полтавской победы, видел в Глухове головы полковника Чечеля и батуринаского коменданта есаула Кенигсека, воткнутые на шесты, и их колесованные тела, положенные на колеса⁴⁴.

В современной историографии обсуждение разорения Батурина чрезвычайно политизировано. Взятие Батурина трактуется украинскими историками и на государственном уровне как невиданная трагедия и ставится на одну полку с пресловутым Голодомором 1930-х гг. Официальное название событий в Батурине согласно постановлению кабинета министров Украины от 2 апреля 2008 г. получило название «Батурина трагедия» («Батуринська трагедія»).

С 1995 г. украинскими исследователями ведутся археологические раскопки в Батурине (Чернигово-Северская экспедиция Института археологии Национальной академии наук Украины и Черниговского педагогического университета имени Т.Г. Шевченко). В 2001 г. к ним подключились канадские ученые. Спонсорами канадско-украинских исследований выступили Канадский институт украинских исследований и другие иностранные организации. Однако выполнить основную политическую задачу – найти массовые захоронения жертв резни, учиненной русскими войсками, не удалось даже на западные деньги.

В 1996–2006 гг. археологи обнаружили в Батурине 138 захоронений периода правления Ивана Мазепы, но лишь 65 из них принадлежали убитым во время взятия Батурина (преимущественно женщинам, детям и старикам)⁴⁵. Эта цифра называется в официальном пресс-релизе, подготовленном Канадским институтом украинских исследований. Хотя в преамбуле этого документа указывается, что русские уничтожили в гетманской столице 6–7 тысяч защитников-казаков и простых жителей! Об этом псевдоисторическом абсурде можно рассуждать достаточно долго, однако это не является предметом настоящего исследования.

Во всяком случае, можно констатировать, что отправитель письма знал о случившемся с гетманской столицей, но знал, скорее всего, по слухам, носившимся в шведской армии. Сведения же эти, даже среди шведов, были самые противоречивые⁴⁶.

В письме Джеффриса содержится информация, позволяющая определиться с его датировкой. Англичанин сообщает о размещении шведской армии на зимние квартиры в украинских городах и местечках. Сообщается, что сам король Карл XII остановился в Ромнах. Известно, что шведский король находился в этом городе ровно месяц – с 18 ноября по 18 декабря 1708 г.⁴⁷ Вместе с ним в городе располагался Мазепа со своими казаками. Для того чтобы очистить от неприятеля Ромны, Петром I была предпринята обманная операция. Русские войска начали демонстративно сосредотачиваться у Гадяча (в 34 верстах от Ромны) – будто бы с целью захватить его. Карл XII клюнул на эту уловку и 16 декабря, в лютейшую стужу, бросился на выручку этой потенциально ценной базы, основательно поморозив при этом свою армию⁴⁸.

Участник похода словацкий дипломат Даниель Крман писал: «Мы надеялись получить здесь (в Ромнах. – С. Е.) надолго зимние квартиры, так как москвиты действительно захватили зимние квартиры наших. Король Карл двинулся отсюда в город Гадяч, намереваясь оказать там помощь своим... 2 января 1709 г. мы неожиданно должны были выступить в город Гадяч, ненавистный нам уже по самому имени своему, ибо мы думали, что это название дано ему от гадюк. Мы уже слышали, что его пригороды были преданы огню москвитами и что они страдали там от недостатка хлеба и других жизненных припасов. Нашим счастьем было, что один друг королевского начальника почт, прибывший в Гадяч из расположения этого достохвального начальника, находившегося уже тогда в Гадяче, вознаградил наш завтрак доброй горилкой. Я положил еще на воз раскаленный кирпич для обогревания ног и рук. Ибо, обладая таким образом внутренним и внешним теплом, смог продержаться более половины пути. При этом надо было преодолеть во всяком случае две мили, идущие через широчайшие степи, которые так пронзительно продувал яростный и леденящий скифский ветер, что некоторые из наших конных возниц окоченели насмерть. Они были найдены бездыханными на телегах и возах, особенно те, которые заснули после неумеренного поглощения горилки...

При таком неистовстве стужи добрались мы после полудня до Гадяча, и хотя огромное пространство перед воротами было заполнено телегами и санями, мы проникли в город и, проведя напрасно два часа в поисках распорядителя квартирами, вошли в какой-то пустой от солдат дом и восстановили свои силы скромной едой и теплом...

На следующий день наши хирурги начали отрезать своими бритвами замороженное и гниющее мясо от пальцев рук и ног у некоторых солдат и проходящих для этого в нашу квартиру людей, а также по очереди препираться о квартире... Топлива не было совсем, если не считать того, что мы притащили с крыши дома. По этой причине окошки дома с обеих сторон были обложены льдом и снегом, а вода, сколько бы ее ни было в помещении, превращалась в лед. Очаг в течение некоторого времени удерживал тепло и, тлея все более скудно, не мог предоставить возможности покоя домашним и пришедшим. Изгнанные оттуда хозяева вынуждены были улечься частью под соседними нарами у этого очага, а частью вне дома в каморке, предназначенной для овощей и других продуктов и съестных припасов, приготовленных и высушенных по обыкновению жителей Козацкой земли. Остальная часть этого помещения пошла пришедшим солдатам. Редко мы могли приобретать пиво, чаще — вино с медом, и это за большую цену, однако горилки нам хватало, и она была для нас универсальным лекарством...

В недавнем пути и в этой квартире мы испытали холод, который запомним на всю жизнь. Слюна, вылетающая изо рта, прежде, чем упасть на землю, превращалась в лед, замерзшие воробьи падали с крыш на землю. Здесь можно увидеть одних без рук, других — лишенных рук и ног, третьих — лишенных пальцев, лица, ушей, носов, некоторых — ползающих, подобно четвероногим, других — тяжело удрученных из-за поврежденного морозом имущества. Все дома были заражены. Более 300 местных жителей умерли, пораженные разными болезнями. Но и король Карл не был застрахован от опасности холода. Однако он был приучен к перенесению всяких трудностей. Его лицо побелело от мороза, но, растертое господином графом Рейншильдом (речь идет о фельдмаршале К.Г. Реншильде. — С. Е.) с помощью снега, восстановило прежнюю живость...»⁴⁹

Таким образом, письмо, перехваченное русскими, было написано Джеймсом Джеффрисом в период между 18 ноября и 18 декабря 1708 г.

Не менее важной представляется поднятая в письме Джеффриса проблема поддержки местным населением гетмана Мазепы⁵⁰. Из донесения в очередной раз следует, что шведский король отнюдь не был освободителем украинского народа от притеснений «москвичей», а гетман-изменник пользовался поддержкой лишь малого числа своих земляков.

Еще в октябре 1708 г. Я.В. Брюс был послан по распоряжению Петра I в Глухов⁵¹, откуда отправил царю донесение о состоянии дел в городе: «Доношу Вашему Величеству всеунижено, что прибрел я вчерашняго числа по полудни в Глухов и не обрел я при оном такова места, где б армия прибыточно могла боронится, для того, что около онаго великие и равные поля, також безлесное место, отчего великое оскудение здесь в городе дровами. И мню я, что из тех лесков, которые тут да инде около города, нашему войску дров тех на двое сутки не будет. Вся наша пехота в сдешном посаде и городе уберется квартерами. Крепость здешная вся из земли зделана не по правилу фортификации, и та везде обвалилась, однакож во иных местах с очищением и возможно во оной пяти полкам свободно боронится.

Пушек в оной железных и медных 21, которые еще всех не видел, понеже всего оных 5 на городе стоит. Сего числа осмотрю достальные пушки, також и инья припасы артилериские и возвращюся паки к армии.

Как гварнизон наш сюды вступил, то вся чернь зело обрадовалась. Токмо не гораздо приятен их приход был старшине здешной, а наипаче всех сдешному сотнику, которой поехал к господину фелт маршалу Шереметеву купно с Четвертинским князем⁵². И сказывают многие сдешныя жители, что он везьма мазепиной партии, которой у него всегда детей крещевал, и про Четвертинскаго сказывают, что тех же людей»⁵³.

Уже упоминавшийся Даниель Крман сообщал о мужественном сопротивлении жителей и гарнизона маленького городка Веприка. Они отбили первую атаку шведов. «При вторичной атаке, – писал современник, – король также поднялся на лестницы и взял город, в котором было 2000 московитских солдат и столько же жителей – казаков. Король оказал всем милость. Гетман же Мазепа вверх одних своих подданных в ямы, других же уморил голодом. Некоторые победители в бешенстве рубили мечами женщин, которые поливали атакующих шведов кипятком и поражали камнями»⁵⁴.

Для усмирения казаков, нападавших на шведов, был послан карательный отряд под командованием полковника Функа, который перебил больше тысячи человек в городке Терее (Терейской слободе) и сжег его. Тех, кто не хотел сдаваться и заперлись в церкви, шведы спалили живьем. Такая же судьба ждала Дрыгалов (Надрыгайлово). Шведы испепелили также несколько враждебных казачьих деревень и перебили всех, кто повстречался, чтобы внушить ужас другим⁵⁵. И

таких фактов можно привести достаточно много.

Еще один интересный вопрос, поднятый в письме Джеффриса – это тайные переговоры изменника Мазепы с турецким султаном и попытку вовлечь в войну с Россией Крымское ханство.

Для освещения связей Мазепы с татарами и Османской Портой большой интерес представляет доклад австрийского посланника в Османской империи М. Тальмана от 18 июля 1709 г., в котором говорится об обращении Карла XII, Лещинского и Мазепы за помощью к Турции и Крыму. Ради своих политических амбиций гетман-предатель готов был привести на украинские земли орду крымского хана. Его мало заботило то, что именно крымские татары испокон веку совершали набеги на Украину, грабили и разоряли украинские города и села, практически ежегодно уводили многотысячный полон, продаваемый затем на невольничьих рынках Османской империи, Ближнего Востока и Северной Африки. Осведомленный австрийский посланник писал: «Тем временем прибыли к татарскому хану в Крым с письмами шведский посланник и посланник короля Станислава, каковые посланники и сегодня еще находятся там. Чтобы поддержать их просьбы к Турции, татарский хан послал эти письма с гонцом сюда. Мазепа, перешедший со стороны Москвы на сторону шведов, прислал через казака подробное письмо на восьми страницах Юсуф-паше в Бендеры, а последний переслал это письмо через янычара сюда, в Турцию. В письмах, как это поведал мне их переводчик, оба названных короля убедительно просят татарского хана при благоприятной возможности удалить московитов от границ Крыма и не только выставить против московитов подчиненных ему татар, но и повлиять на Турцию, чтобы она со стороны турецких провинций с достаточным количеством войск нанесла бы этим своим врагам возможно больший ущерб.

Мазепа же в своем обширном послании изложил в виде подробной аполгии причины, принудившие его оставить московскую сторону, а именно что московский царь многократно нарушал привилегии и вольности казаков и он, Мазепа, со своими подчиненными не в состоянии был больше нести московское иго; что все казаки решились перейти на сторону его, Мазепы, и только ждут первой возможности, чтобы признать его официально; что все стоящие под московской властью бояре уверяют его в том, что для Турции нет ничего лучшего, как если бы они, казаки, были снова укреплены в своих старых правах и тем самым, как свободный народ

между Москвой и Турцией, представляли собой прочный барьер. Шведский король имеет также намерение вернуть казакам их старые вольности, каковое намерение особенно явно могло бы быть приведено в исполнение, если бы и Турция приложила к этому свою руку помощи. Он, Мазепа, лучше кого бы то ни было другого знает о честолюбивых планах царя, который после подавления казаков и при помощи своих больших, недалеко от Крыма, в районе Азовского моря, вновь выстроенных крепостей и вооруженного корабельного флота в Азове считает себя в состоянии при первой возможности напасть на Крым и без большого сопротивления проникнуть по морю и по суше в Молдавию и Валахию, а также и в Турцию с помощью исповедующего греческую религию населения, которое ожидает от него, царя, избавления. Он, Мазепа, просит поэтому Юсуф-пашу все это принять во внимание, настойчиво представить это Турции и убедить последнюю оказать значительную помощь»⁵⁶.

Шведская дипломатия приложила немало усилий к осуществлению своей давнишней мечты — созданию антирусского шведско-турецкого союза. Все средства были пущены в ход. Вот как объяснял причины осады шведской армией Полтавы австрийский посол при главной шведской штаб-квартире граф Франц Людвиг Цинцендорф: «Король предпринял осаду Полтавы, чтобы оттуда получить возможность утверждать свое положение на Черном море, причем считают, что шведы, обеспечившие себя в этой войне симпатией Турции, имеют намерение получать из Турции все необходимые для армии товары, в том числе сукно для обмундирования»⁵⁷.

Шведы не теряли также надежды на помощь крымских татар. Даже накануне Полтавской битвы Мазепа, успокаивая Карла XII, обещал скорое прибытие к Полтаве крымцев⁵⁸.

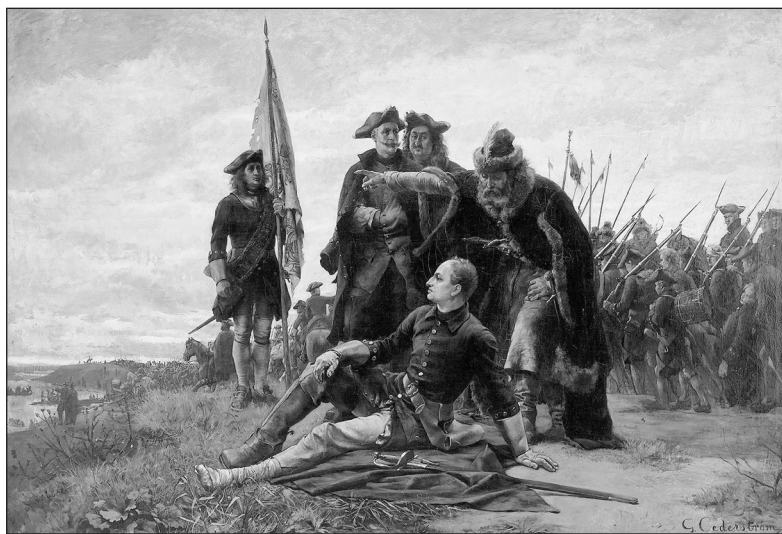
Такие выводы не были случайными. После того как в 1707 г. возведенный на польский трон шведами король Станислав Лещинский послал своих людей в Порту, она ответила дружественными грамотами на имя Карла XII и самого Лещинского. Султан Ахмед III предложил шведскому королю свою дружбу. В благодарность за то, что Карл XII освободил в 1704 г. находившихся во Львове турок, бывших в польском плену, султан приказал выкупить у русских сто шведских пленников. Знатный турецкий ага посетил главную квартиру шведского короля, когда тот находился в Польше. В то же время туда прибыл посланец Мазепы по имени Згура. Он передал Лещинскому письмо Мазепы, которое было зачитано при «бусурманском посланце».

В марте 1708 г. тайный секретарь Цедергильм писал из Радошковичей: «От нашего человека, который находится у татар, имеем хорошие известия. Турецкий двор находится на верном пути и в добром настроении: соглашается на предложения, сделанные аге, который находился у нас... Татары готовы отомстить за ущерб, причиненный им в свое время с русской стороны, и то с согласия турецкого султана, хотя он сам, кажется, не желает порвать отношения»⁵⁹.

Однако Турция продолжала выжидать. Она, как и западные страны, ждала решительных шведских побед. Неоднократные поражения, понесенные шведами на русской границе с конца августа до конца сентября 1708 г., в особенности разгром корпуса генерала Левенгаупта в сражении при Лесной, значительно повысили международный престиж России. Турция, собиравшаяся выступить против России на стороне шведов, узнав об этой русской победе, стала заверять русское правительство в своей готовности соблюдать мир⁶⁰.

Измена Мазепы и части украинской старшины была неожиданностью для Петра I и могла осложнить и без того непростые отношения с Османской империей.

Находившийся в Москве датский посланник при московском дворе так объяснял причины измены малороссийского гетмана:

Мазепа и Карл XII на берегу Днепра после Полтавской битвы.
Художник Г. Седерстрём. 1880 г.

«Мазепа воспользовался следующим случаем. Когда царю представили, что вполне можно сделать так, чтобы он на Украине, как и в России, имел в качестве регалии все пивные и винные трактиры, продажу табака и т. п., а казаки не смогли пожаловаться на это как на уменьшение их привилегий, Мазепа подтвердил это царю и, применяя силу, исполнил посланные ему приказы. Сам же тайком внушал людям своей страны, что скоро придет время освободиться от такого насилия, и у народа будет собственный король»⁶¹.

Вслед за Мазепой, изменила и верхушка Запорожской Сечи во главе с активным врагом России запорожским кошевым К. Гордиенко. Предатели поспешно бежали в Крым и султанские владения. Турки приветствовали беглецов, которые совсем недавно с большим удовольствием грабили и разоряли турецкое побережье. Везир пригласил к себе резидента молдавского господаря и во время беседы спрашивал его «о измене мазепиной и казаки все ли пристали к нему или служат государю». Молдавский господарь, сообщая об этом киевскому обер-коменданту Д.М. Голицыну, высказал опасение: «Есть ли нынешнею зимой (1709 г. – С. Е..) над шведскими войска какого урону не учинитца... чтоб турки об войне не стали б думать против государя»⁶². В Стамбуле сразу же вспомнили о бывшем крымском хане Девлет-Гирее II, большом ненавистнике России. С острова Родос, из ссылки, он срочно и с большими почестями был привезен в турецкую столицу. После повторного назначения Девлет-Гирей ханом (1708–1713) «везирь с ним, ханом, имел три дня разговор». Министры совещались с ним о мерах по охране границ. 24 декабря 1708 г. новый хан был отправлен в Крым.

Еще не достигнув своей резиденции, Девлет-Гирей начал плести интриги против России. Доехав в январе до Перекопа, он попытался наладить связи с запорожцами. Русскому правительству стало известно о контактах между крымцами и сечевиками. Татары заверили последних в том, что на шведа они не пойдут, но готовы начать войну с Россией.

Девлет-Гирей не остановился даже перед вмешательством во внутреннюю борьбу, происходившую тогда в Сечи между изменниками-гордиенковцами и массой запорожцев, не желавших стать на путь предательства Родины. Установив связь с запорожцами, собрав нужную информацию о положении дел на Украине и о ходе боевых действий, новый хан стал провоцировать Порту на открытое выступление против России.

Турецкие министры, относясь с большим сочувствием к требованиям хана, решили все же выждать более обстоятельной информации. Главной причиной осторожности Порты были известия о больших затруднениях и неудачах шведской армии на Украине, о том, что против нее воюет не только русская армия, но и украинский народ, который не пошел за своим предателем-гетманом. Не торопясь с открытием военных действий против России, Оттоманская Порта все же всячески помогала ее врагам, в частности королю Станиславу Лещинскому⁶³.

Девлет-Гирей получил тайный приказ великого визиря Али-паши оказать шведскому королю помощь в предстоящем генеральном сражении с русской армией под Полтавой. Хан был рад выполнить этот приказ. Затея Карла XII была ему по душе. Но это стало известно султану, и тот решительно запретил хану нарушать мирные отношения с Россией⁶⁴.

Таким образом, надежды гетмана Мазепы и его шведского хозяина на помощь татар оказались тщетными. Однако гетман уверял своего нового покровителя в обратном. В одном из своих писем (отправленных 14 июня 1709 г., незадолго до Полтавского сражения) Джеффрис сообщает, что «от Мазепы вернулись два казака, которые были посланы в Татарию, их переговоры побудили татар присоединиться к нам».

И, наконец, попытаемся ответить на вопрос, кто является автором перевода донесения. Известно, что русское командование внимательно следило за передвижением армии Карла XII. Я.В. Брюс по распоряжению Петра I писал генералу Р.Х. Боуру: «Приказал Его Царское Величество к вам отписать, дабы вы приказали кого надежного человека приискать и послать его для проведования шведов»⁶⁵. Разъезды регулярной армии и казаков перехватывали шведских гонцов (напомним, что на отсутствие почты на протяжении двух месяцев сетует Джеффрис). Захваченную корреспонденцию необходимо было переводить. Вероятно, письмо Джеффриса было отослано к Я.В. Брюсу, в совершенстве владевшему английским языком. Черновик перевода письма остался в Походной артиллерийской канцелярии.

Таким образом, в Архиве Военно-исторического музея артиллерии, инженерных войск и войск связи хранится ценный исторический источник, дополняющий уже известные и опубликованные письма английского капитана на шведской службе Джеймса Джеффриса. Перевод письма с английского на русский язык осуществлен начальником

артиллерийского ведомства Я.В. Брюсом. Ценность этого документа несомненна. Он позволяет дополнить уже имеющиеся сведения о событиях на Украине осенью – в начале зимы 1708 г. (сражение на реке Соже, вступление шведов на Украину, взятие Батурина, размещение армий Карла XII и Петра I на зимние квартиры, измену и сношения Мазепы с крымскими татарами и т. п.). Донесение агента в очередной раз свидетельствует в пользу того, что предательство гетмана Мазепы не нашло поддержки в широких слоях украинского населения, которое в своем большинстве было на стороне России и мужественно сопротивлялось иноземному нашествию.

¹ Архив ВИМАИВиВС. Ф. 2. Оп. 1. Д. 38. Л. 313–316.

² Левенгаупт Адам Людвиг (1659–1719), граф, генерал-майор от инфантерии и губернатор Курляндии, Пильтена и Земгалии (1703), генерал-лейтенант (1705). Губернатор Риги (1706). После поражения под Полтавой с остатками шведской армии капитулировал у Переволочны. Находился в русском плену, написал подробные мемуары. Умер в Москве в 1719 г. Его тело было доставлено на родину.

28 сентября 1708 г. русский корволант (отряд пехотинцев, посаженных на коней) у деревни Лесное (Лесная) неподалеку от Могилева наголову разбил 16-тысячный корпус шведского генерала А.Л. Левенгаупта, с огромным обозом (по разным оценкам, от 8 до 12 тыс. подвод), шедший на помощь главной армии Карла XII. Петр I назвал эту победу «матерью Полтавской виктории» (Тельпуховский Б.Б. Северная война: Полководческая деятельность Петра I. М., 1946. С. 71–78; Артамонов В.А. Мать Полтавской баталии. К 300-летию победы Петра Великого при Лесной. СПб., 2008).

³ Карл XII (1682–1718), шведский король (с 1697).

⁴ О переправе шведской армии через Десну под Мезовым и Псаревкой сообщил Петру I генерал-фельдмаршал Б.П. Шереметев (Документы Северной войны. Полтавский период (Ноябрь 1708 г. – июль 1708 г.) // Труды Императорского Русского военно-исторического общества. СПб., 1909. Т. III. С. 6. № 6).

⁵ Шереметев Борис Петрович (1652–1719), русский государственный и военный деятель, дипломат, граф (с 1706). Начал службу при дворе с 1665 г. В 1679 и 1681 гг. участвовал в походах против татар. Воевода и тамбовский наместник (с 1681), боярин (с 1682). Участвовал в переговорах по заключению «Вечного мира» с Польшей (1686). В качестве великого и полномочного посла отвозил ратификационные грамоты польскому королю Яну III Собесскому. Во время Крымского похода 1689 г. командовал Белгородским полком. В 1695 г. совместно с гетманом И.С. Мазепой командовал войсками, захватившими турецкие крепости в низовьях Днепра. В 1697–1698 гг. с дипломатической миссией посетил союзные России государства, входившие в «Священную Лигу» (Польшу, Австрию, Венецию), Рим и о. Мальту. Участник Северной войны, генерал-фельдмаршал с 1701 г. В Полтавском сражении 27 июня 1709 г. командовал русской пехотой. Руководил боевыми действиями российских войск в Прибалтике, Померании, Мекленбурге, участвовал в Прутском походе 1711 г. В 1705–1706 гг. подавил Астраханское восстание. Участвовал в 1718 г. в заседаниях «консилие министров» во время следствия по делу царевича Алексея в Москве. Будучи тяжело больным, не смог приехать в Санкт-Петербург для участия в суде над царевичем Алексеем и был заподозрен царем в симпатиях к бывшему наследнику престола. Скончался в

феврале 1719 г. в Москве, его тело было перевезено в Санкт-Петербург и похоронено в Лазаревской церкви Александро-Невской Лавры. Отличался личной храбростью и был любим солдатами.

⁶ Мазепа Иван Степанович (1639–1709), князь Священной Римской империи (1707). На русской службе с 1674 г. Генеральный есаул (с 1681). Гетман Украины (с 1687). Участник Крымских (1687 и 1689) и Азовских походов, а также первых кампаний Северной войны. В октябре 1708 г. перешел на сторону шведов. После Полтавской битвы бежал вместе с Карлом XII в Бендеры, где и умер.

⁷ Мейерфельд Юхан Август (1666–1749), барон (1705), граф (1714). На военной службе с 1683 г. Лейтенант Лифляндского рейтарского полка (1689). Капитан шведского пехотного полка в Голландии (1693). Майор (1698), подполковник эскадрона вербованных драгун (1700), полковник Абоско-Бьернеборгского рейтарского полка (1702), полковник вербованного им драгунского полка (1703), генерал от кавалерии (1704). Во время отступления шведской армии к Переволочне был послан королем к русским для ведения переговоров, был задержан, затем отпущен под подписку в обмен на генерал-майора И.И. Бутурлина (захваченного в плен под Нарвой в 1700). В 1710 г. генерал-лейтенант от инфантерии и комендант Штеттина, а также полковник Штеттинского полка ландмилиции. Вице-губернатор Померании (1713), временный глава Адмиралтейства (1714). В 1719–1720 гг. советник государственной канцелярии.

⁸ Карл Густав Дюкер (Дикор) (1663–1732), барон (1711), граф (1719). С 1688 г. кадет, с 1689 г. фенрик полка Фюрстенберга на французской службе, затем лейтенант, капитан и майор. Генерал-адъютант на шведской службе (1700), драгунский полковник (1703). Был пленен под Переволочной, освобожден в 1710 г. Генерал от кавалерии и полковник Вестеръ етландского рейтарского полка. Генерал-лейтенант (1711), генерал от кавалерии (1713). С 1718 г. государственный советник (риксрат), генерал-губернатор Финляндии (1719). Президент Кригс-коллегии (1720).

⁹ Тоб (Тауб, Тоуб) Густав Адам (1673–1732), граф (1719). Начал службу корнетом Конногвардейского полка вдовствующей королевы. Лейтенант гарнизонного полка в г. Штаде (1689), вышел в отставку в 1695 г. Генерал-адъютант от кавалерии при лифляндской армии (1700). Полковник и шеф полка вербованных драгун, так называемых «драгун Тоба» (1703). Участвовал в сражениях при Клишове, Познани и Опошне. Взят в плен под Полтавой, отпущен «на пароль». Генерал-майор и полковник Эстеръ етландского рейтарского полка (1710), затем полка Сконских сословных гусар. Генерал-лейтенант (1712). Губернатор Висмара и шеф губернаторского полка (1713). Генерал и губернатор Стокгольма (1716). Государственный советник (1718). Фельдмаршал и генерал-губернатор Эстляндии (1719).

¹⁰ Станислав I Лещинский (1677–1766), польский король в 1704–1711 гг. и 1733–1734 гг. Впервые был возведен на польский престол при поддержке шведского короля Карла XII, а второй раз – при поддержке Франции. Противник польского короля Августа II Сильного, а также его сына и преемника Августа III. В обоих случаях изгнан из Польши силой русского оружия. В 1736 г. отрекся от польского престола, формально сохранив королевский титул и получив в пожизненное владение Лотарингское герцогство. Тесть французского короля Людовика XV.

¹¹ Август II Сильный (1670–1733), курфюрст саксонский (1694–1733), король польский с 1697 по 1706 гг. и с 1709 по 1733 гг. В кампанию 1706 г. войска Августа были разбиты шведами, он был принужден заключить с ними Альбранштетдтский мир, по которому он отрекся от польского престола в пользу Станислава Лещинского и распорядился союз с Россией. Позднее, когда разгром русскими войсками шведов под Полтавой привел к резкому повороту в ходе всей войны, Август возобновил союз с Петром I

и при его содействии возвратился на польский престол.

¹² Boyle Hon. Henry (1669–1725) // *The History of Parliament: the House of Commons 1690–1715*, ed. D. Hayton, E. Cruickshanks, S. Handley, 2002; Подробную биографию Генриха Бойла см.: URL: <http://www.historyofparliamentonline.org/volume/1690-1715/member/boyle-hon-henry-1669-1725>

¹³ Captain James Jefferyes's Letters to the Secretary of State, Whitehall, from the Swedish Army, 1707–1709 / Ed. by R. Hatton // *Historiskt Magasin*. V. 1. Historiska Handlingar, 35/1. Stockholm, 1953. P. 1–93.

¹⁴ Мальборо Джон Черчилл (1650–1722), 1-й герцог Мальборо (1702), английский полководец и государственный деятель, генерал-фельдцейхмейстер (1702). Принадлежал к партии вигов. Во время войны за Испанское наследство до 1711 г. был главнокомандующим английской армии на континенте.

¹⁵ Отрывок из этого письма был опубликован: Донесения и другие бумаги чрезвычайного посланника английского при русском дворе Чарльза Витворта и секретаря его Вейсброда с 1708 по 1711 г. // Сборник Императорского Русского исторического общества. СПб., 1886. Т. 50. С. 216.

¹⁶ Цит. по: Captain James Jefferyes's Letters... P. 78.

¹⁷ Шведский историк Эрнст Карлсон издал фрагменты писем Джеффриса из Бендера и Стралсунда за 1711–1715 гг. – См. в: *Historiska Handlingar*. Stockholm, 1897. Vol. XIV. № 2.

¹⁸ Мотрз О. де ла. Из «Путешествия...» // Беспятых Ю.Н. Петербург Петра I в иностранных описаниях. Введение. Тексты. Комментарии. Л., 1991. С. 237–238.

¹⁹ См. донесения Джеффриса из России: Донесения и другие бумаги английских послов, посланников и резидентов при русском дворе с 1711 г. по 1719 г. Ч. Витворта, А. Вейсброда, Дж. Мэкензи, Дж. Норриса и Дж. Джеффериса // Сборник Императорского Русского исторического общества. СПб., 1888. Т. 61. С. 456—590.

²⁰ Там же. С. 457.

²¹ Там же. С. 453.

²² Anderson M.S. *Britain's Discovery of Russia. 1553–1815*. London, 1958. P. 70.

²³ Бильбасов В.А. Россия и Англия в XVIII веке // *Русская старина*. СПб., 1893. Т. 80. С. 8.

²⁴ Лабутина Т.Л. «Свои» и «чужие» в имэджинологии: ксенофобия в англо-русских отношениях в XVI–XVIII веках // *Вестник Рязанского государственного университета им. С.А. Есенина*. 2011. № 31. С. 14.

²⁵ Донесения и другие бумаги английских послов, посланников и резидентов при русском дворе с 1711 г. по 1719 г. С. 536.

²⁶ Там же. С. 564–565.

²⁷ Фридрих Христиан Вебер (ум. 1739) — ганноверский (брауншвейг-люнебургский) резидент при русском дворе в царствование Петра I. После того как ганноверский курфюрст Георг Людвиг стал английским королем, представлял в Петербурге интересы английского двора. Вебер прибыл в Петербург в 1714 г. и пробыл там до 1717 г., когда отправился в Ганновер для получения инструкций. Вернувшись в Петербург в том же году, он пробыл в России еще два года и выехал окончательно за границу в октябре 1719 г. Сведения о том, что Вебер после кончины Петра провёл ещё несколько лет в России, не подтверждаются никакими данными. Значение посольства Вебера в дипломатическом отношении весьма невелико, но мы обязаны ему одним из замечательнейших источников для характеристики петровских реформ; записки его о России, вышедшие под заглавием «Das Veränderte Russland» («Преображенная Россия») 3-х томах, в 1721, 1739 и 1740 гг., обратили на себя уже внимание современников. ([Weber F. Ch.]

Das veranderte Russland, in welchem die jetzige Verfassung des Geistung, Weltlichen Regiments, der Kriegs-Staat zu Lande und zu Wasser... Franckfurt: Verl. N. Forsters, 1721; [Weber F. Ch.] Des veranderte Russlandes Zweyter Theil... Hannover: verl. von N. Forsters u. Sohns Erben, 1739). О деятельности ганноверского резидента в России см.: Брикнер А.Г. Хр.-Фр. Вебер: (Материалы для источниковедения истории Петра Великого) // Журнал Министерства народного просвещения. 1881. Январь. С. 66–68.

²⁸ Ганноверский резидент находился под пристальным и постоянным наблюдением русских. «Нельзя ожидать ничего хорошего от этого двора, — писал он 15 сентября 1718 г. королю Георгу I, — все клятвы здешних министров оказываются ложью, ненависть против вашего королевского величества не может быть сильнее, и недостаёт только силы вредить нам» (Zeitgenossische Berichte zur Geschichte Russlands. Peter der Grosse und der Zarewitsch Alexei: Vornehmlich nach und aus der gesandtschaftlichen Correspondenz Friedr.-Christian Webers. Leipzig, 1880. № 149. S. 156). Поспешный отъезд Ф.Х. Вебера из России скорее напоминал бегство, а ускоренный сбор информации о русской армии и флоте, экономическом состоянии государства, отраженный в последних депешах, говорил о прогрессирующем англо-русском конфликте.

²⁹ Captain James Jefferyes's Letters to the Secretary of State, Whitehall, from the Swedish Army, 1707–1709. P. 26–27.

³⁰ Coxe W. Memoirs of the Duke of Marlborough. London, 1818–1819. V. II. P. 52.

³¹ Herlitz N. Svenska Papper på Villospår // Karolinska Förbundents Årsbok. Stockholm, 1914. P. 125–137.

³² Captain James Jefferyes's Letters to the Secretary of State, Whitehall, from the Swedish Army, 1707–1709. P. 63.

³³ Игина Ю.Ф. Полтавская баталия в донесениях английского капитана Джеймса Джеффриса // Сборник исследований и материалов Военно-исторического музея артиллерии, инженерных войск и войск связи. Вып. IX. СПб., 2010. С. 64–79.

³⁴ Беспятовых Ю.Н. Иностранцы источники по истории России первой четверти XVIII в. СПб., 1998. С. 383.

³⁵ Корд В.И. Бої під Лісним і під Полтаваю защеденником шведського лейтенанта Ф. Вейе // Записки історічно-філологічного відділу Української А.Н. Київ, 1931. С. 218–219.

³⁶ Письма и бумаги императора Петра Великого. М.; Л., 1948. Т. VIII. Вып. 1. С. 168–175.

³⁷ Записка о войне шведской, в царствование Петра Великого веденной, и о сражении с Левенгауптом, найденная в делах того времени // Военный журнал. 1833. № 3. С. 53.

³⁸ Архив ВИМАИВиВС. Ф. 2. Оп. 1. Д. 38. Л. 344–345.

³⁹ Captain James Jefferyes's Letters to the Secretary of State, Whitehall, from the Swedish Army, 1707–1709. P. 63.

⁴⁰ Ibid. P. 66.

⁴¹ Таирова-Яковлева Т.Г. Мазепа. М., 2007. С. 196–197.

⁴² Желябужский И.А. Дневные записки // Рождение империи. История России и Дома Романовых в мемуарах современников XVII–XX вв. М., 1997. С. 355.

⁴³ Гистория Свейской войны (Поденная записка Петра Великого) / Сост. Т.С. Майкова. Вып. 1. М., 2004. С. 294.

⁴⁴ Записки Юста Юля, датского посланника при Петре Великом (1709–1711) // Лавры Полтавы. История России и дома Романовых в мемуарах современников XVII–XX вв. М., 2001. С. 378.

⁴⁵ См, напр.: Kovalenko V. The Rape of Baturyn: The Archaeological Evidence / Poltava 1709: The Battle and the Myth // Harvard Ukrainian Studies. Vol. 31. № 1/4. P. 37–78.

- ⁴⁶ Подробный обзор этих сведений см.: Артамонов В.А., Кочегаров К.А., Курукин И.В. Вторжение шведской армии на Гетманщину в 1708 г. М., 2008. С. 87–93.
- ⁴⁷ Письма и бумаги императора Петра Великого. Т. VIII. Вып. 1. М., 1951. С. 230; Там же. Вып. 2. С. 963–964; Стилле А. Карл XII как стратег и тактик в 1707–1709 гг. / Пер. со швед. А. Полторацкого. СПб., 1912. С. 51–54; Бужевич В.Е. Пребывание Карла XII в Ромнах // Киевская старина. 1904. № 3. С. 111–113.
- ⁴⁸ Погода Ю.В., Иванюк Я.Г. Полтавская баталия: Крепости и герои. М., 2009. С. 223.
- ⁴⁹ Шутой В.Е. Малоизвестный источник по истории Северной войны: (Путевой дневник словацкого посла Д. Крмана, относящийся к периоду 1708–1710 гг.) / Пер. А.Б. Поповой; М.Н. Цетлина // Вопр. истории. 1976. № 12. С. 97–98.
- ⁵⁰ История сопротивления шведам и изменникам-мазепинцам со стороны украинского населения широко освещена в научной литературе. См., напр.: Павленко Н.И. Петр Великий. М., 1990. С. 283–294.
- ⁵¹ Ничем особенным не отличавшийся от десятков других маленьких городков Левобережной Украины, Глухов с начала XVIII в. столетия неожиданно оказался в центре важнейших исторических и политических событий, связанных с Северной войной (1700–1721). Узнав об измене гетмана Мазепы, царь Петр I, который находился тогда на Сумшине, приказал немедленно разрушить гетманскую столицу город Батурин. Резиденция гетманов была перенесена в Глухов, находившийся поблизости от русской границы. Там было велено собрать украинскую казачью старшину для избрания нового гетмана. Под давлением Петра I 6 ноября 1708 г. новым гетманом был избран И.И. Скоропадский. 12 ноября того же года в Глухове состоялась заочная казнь Мазепы, после которой в Троицком соборе, в присутствии царя, митрополит Киевский, Галицкий и Малья России Иоасаф (Кроковский) предал Мазепу анафеме (церковному проклятию). С 1708 по 1764 гг. город Глухов был столицей Гетманщины и резиденцией украинских гетманов.
- ⁵² Четвертинский (Святополк-Четвертинский) Юрий, князь, племянник бывшего киевского митрополита Гедеона (Четвертинского), женатый на дочери предшественника Мазепы – гетмана Ивана Самойловича.
- ⁵³ Архив ВИМАИВиВС. Ф. 2. Оп. 1. Д. 38. Л. 5–6.
- ⁵⁴ Шутой В.Е. Малоизвестный источник по истории Северной войны. С. 97.
- ⁵⁵ Мазепа. Збірник. Варшава, 1938. Т. 2. С. 20; Мацьків Т. Гетьман Іван Мазепа в західноєвропейських джерелах 1687–1709. Мюнхен, 1988. С. 66.
- ⁵⁶ Турция накануне и после Полтавской баталии (глазами австрийского дипломата) / Пер., введ. и прим. В.Е. Шутого. М., 1977. № 5. С. 41–42.
- ⁵⁷ Там же. С. 9.
- ⁵⁸ Томашевський С. Из записок каролинців про 1708/9 р. // Записки Наукового товариства імені Шевченка. Т. 92. Кн. VI, 1909, С. 61. Заметим, что в это же время изменник пытался вступить в переговоры с русскими и выдать им шведского короля, дабы спасти свою собственную шкуру. Для этого человека не было пределов в подлости и измене (Павленко Н.И. Петр Великий. С. 289).
- ⁵⁹ Цит. по: Турция накануне и после Полтавской баталии (глазами австрийского дипломата). С. 9–10.
- ⁶⁰ Письма и бумаги императора Петра Великого. М.; Л., 1951. Т. IX. Вып. 1. С. 90.
- ⁶¹ Грунд Г. Доклад о России в 1705–1710 годах / Пер. Ю.Н. Беспятых. СПб., 1992. С. 115–116.
- ⁶² Письма и бумаги императора Петра Великого. М., 1952. Т. IX. Вып. 2. С. 689.
- ⁶³ Там же. С. 580.
- ⁶⁴ Смирнов В.Д. Крымское ханство под верховенством Османской Порты в XVIII столетии. СПб., 1887. С. 15.
- ⁶⁵ Архив ВИМАИВиВС. Ф. 2. Оп. 1. Д. 38. Л. 415.